

Тенякова Наталья

1407.04

Кубиатура - 2004 -
08-14 июля - с. 12

Большой стиль Натальи Теняковой

К юбилею актрисы

Однажды на церемонии вручения премии российский деловых кругов "Кумир" случился эпизод в своем роде экстраординарный. В паузе между награждениями лауреатов на сцену вышла бизнес-дама и объявила, что хочет вручить личную награду актрисе, лучшей которой, по ее мнению, нет никого на свете. И назвала Наталью Тенякову.

Нет, все же и новую Россию "умом не понять"; если деловая душа расположилась не к гламурной персоне, а к артистке Теняковой, которая при всей своей значимости и известности существует от его величества тусовки совершенно отдельно. В ней вообще все отдельно: округлая, не резкая женственность черт, грудной, хрипловатый голос с неуловимой музыкальностью согласных и осязаемой плотностью согласных звуков, комедийный дар, позволяющий обнаружить в совершенно драматичном содержании убийственно смешное начало.

Ее не с кем сравнивать. С ней сравнивать можно – шедшие за ней по возрасту актрисы БДТ вольно или невольно копировали эту особую, густую и мелодичную материю речи, этот жест, одновременно отточенный и размытый, изящный и угловатый. Копии, конечно же, безнадежно проигрывали оригиналу.

Ученица знаменитого ленинградского педагога Б.Зона, Наталья Тенякова очень быстро стала звездой в театре Георгия Товстоногова. Был конец 60-х, слово "звезда" еще не вошло в советский театральный обиход, а БДТ между тем состоял сплошь из этих самых светил: и толь-

ко что открытых, и взошедших заново. Тенякова играла томную красавицу Клею в "Лисе и винограде" Фигейреду, трагическую деревенскую Веру в "Трех мешках сорной пшеницы" В.Тендрякова, восхитительно розовую Марию Антоновну в "Ревизоре", роскошную Юлию в "Дачниках". Играла в спектаклях мужа, Сергея Юрского, – "Фантазии Фарятьева" и "Мольер". С самого начала было ясно, что Тенякова – героиня. Но героиня особого рода, так как острая характеристика – такая же естественная ее черта.

Она очень театральная актриса, работ в кино у нее не так-то много, да и те временами имели некую сценическую природу. Варвара Асенкова в "Зеленой карете" – вовсе актриса. Совсем юная Тенякова играла ее волшебю: пела, танцевала в водевилях совершенно неподражаемо, отточенно по мастерству и вместе с тем как-то по-домашнему тепло, без кафешантанной развязности. Спустя годы она сыграла бабу Шуру в картине В.Меньшова "Любовь и голуби". С одной стороны, вроде бы продолжит свою "деревенскую тему", где и тендряковская Верка, и доярка из "Печки на колесе" (спектакль Театра им. Моссосвета). Но не совсем, ибо картина Меньшова – с секретом, она напоминает именно спектакль из деревенской жизни, где между персонажами и актерами виден задор легкого преувеличения. Молодое лицо Теняковой заклеили толстыми морщинами, соблазнительные линии фигуры завесили ветхим бабьим тряпьем, точеные ноги обули в чудо-

Н. Тенякова

вищенные боты. Появился жест – безнадёжный и смешной всплеск руками, родилась походка – суетливая, загибающая носками внутрь. Театр – блестящий образчик перевоплощения, где сверх красивой натуральности присутствует неуловимая доля сценической гиперболы.

У Теняковой особая органика. На сцене, а тем более в жизни, в повседневном общении, трудно себе представить человека более естественного, чуждого всякого рода самопрезентаций. Но себя она не играет никогда. Яркое выраженное личностное начало – да. Нетривиальные актерские данные – безусловно. Но надо всем этим не только отличная школа Зона и Товстоногова, а некое врожденное мастерство, не поддающееся анализу харизма. В ее игре никогда не видно тяжелой работы (хотя работа, причем по самому высокому счету, разумеется, присутствует). Такое впечатление, что ни роль, ни мизансцену ей не надо учить, она просто входит в них, как купальщица в теплую воду. Это особенно заметно в пьесках, которые легко превращаются у Теняковой в шедевры. Фатима, к примеру, в незабвенной телесказке В.Смехова "Али-Баба и сорок разбойников", растражированной ныне на сотни видеокассет. Знойная красавица, жена жадного Касыма (пару ей легко составил Сергей Юрский), на полном серьезе тянет и на прекрасную Шехерезаду и на жутко смешной водевильный персонаж одновременно. Или вот супруга нашего выдающегося бывшего соотечественника (Школа современ-

ной пьесы, спектакль "Провокация", пьеса и постановка Юрского). В сущности, эпизодическая высокопоставленная хамка разрастается в роскошную комедийную персону. Теняковой опасно давать сыграть эпизод, она непременно, хотя и совершенно без претензий на первенство сделает из него мощный притягательный центр. Такова, к примеру, Ракель из мхатовского спектакля по пьесе И.Бергмана "После репетиции", где краткое появление этой женщины в видениях главного героя едва не переворачивает всю историю.

Но обычно ей достаются главные и даже заглавные роли. "Гедда Габлер" Ибсена в Театре им. Моссосвета (в труппу которого они с Юрским поступили в 80-е годы, после вынужденного отъезда из Ленинграда), этот спектакль режиссера Камы Гинкаса был сложно принят театральной Москвой. Вместо холодной, скандинавской, фру, отважившейся пошатнуть семейные устои, на сцене царствовала колдовская русская женщина. Трагедия личности героини, а вместе с ней вся проблематика пьесы съезжали с хорошо накатанной европейской дороги на ухабы и рытвины отечественного пути к обретению свободы и счастья. Может быть, это и был не совсем Ибсен, но магия центральной фигуры пьесы действовала фантастически.

А как она умеет играть превращения! Интеллектуальная деревенскую бабу, закомплексованную тетку в женщину-вамп... В Большом драматическом театре был такой спектакль "Выпьём за Колумба" Л.Жухо-

вицкого, не судьбоносный, не из тех, что вошли в историю. Тенякова играла там затюканную серую мышку, превратившуюся в результате научного эксперимента в сногшибательную красавицу. Превращение было совершенно невероятным! Актриса как будто поворачивала к зрителю грани собственной природы, заостряя поочередно все, что имела сама: сначала тихое и неброское, потом сокрушительно женственное и властное. У поклонников актрисы эта роль наверняка врезалась в память и напомнила о себе еще раз, когда Тенякова сыграла на сцене Театра им. Моссосвета мадемуазель Сюпо в пьесе Ж.Ануя "Орнифль" – нескладную секретаршу, безнадежно влюбленную в модного писателя. Или когда предстала немолодой "золушкой" в спектакле МХАТа им. Чехова "Рождественские грезы". Другая же ее линия тянется от младшей сестры в кинофильме "Старшая сестра", от Брет Эшли в телеверсии хемингуэевской "Фиесты" – к чеховским героиням на мхатовской сцене. И здесь заиграли ее особая, пленительная женственность, причудливый сплав ума, мастерства и природной грации.

Наталья Тенякова – редчайшая актриса в нашем театре. Можно сказать, трагическая. А можно и – комедийная. И лирическая. И гротескная. Актриса большого стиля, у которого есть одно-единственное, собственное имя.

Наталья КАМИНСКАЯ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ